

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: В работе исследуются основные направления и уголовно-правовые средства реализации политики правительства царя Михаила Федоровича Романова в сфере внутренней безопасности государства (первая половина XVII в.). Анализируются тексты присяги населения на верность царю и материалы по «государевым делам». Особое внимание уделено практике выявления, пресечения и наказания «непригожих речей». Отмечено, что уголовная политика правительства царя Михаила Федоровича Романова в сфере обеспечения внутренней безопасности характеризовалась активным сочетанием карательных и профилактических мер. Она была направлена на защиту основ политического строя и сложившихся институтов власти от посягательств на политические права нового царя («хотение другого государя» и «подыскание государства»), борьбу с «воровством и изменой», а также охрану «здоровья государя». Практика борьбы с «воровскими ратями» характеризовалась сочетанием применения суровых репрессий к руководителям с освобождением от наказания рядовых участников. После ликвидации наиболее крупных внутренних антиправительственных вооруженных формирований основные усилия были направлены на выявление самозванства, а также признаков «хотения другого государя», проявившихся в «непригожих речах». Для характеристики некоторых «непригожих слов» с 20-х гг. XVII в. начинает использоваться не встречавшееся ранее понятие «унижение государского величества». Типичным видом наказания за «непригожие речи» были наказания телесные – «битье батоги» или «торговая казнь».

Abstract: The article concerns the main directions and criminal law means of implementation of the policy of the Government of the Tsar Mikhail Fedorovich Romanov in the sphere of domestic security of the state (first half of XVII century). The author analyzes the texts of the pledge of allegiance to the Tsar and materials on “Sovereign’s Cases”. Special attention is paid to the practice of revealing, interception and punishment of “undue speaking”. It is noted that the criminal policy of the Government of the Tsar Mikhail Fedorovich Romanov in the sphere of guarantees of domestic security was characterized by the active combination of punitive and prophylactic measures. It was aimed at protection of the fundamentals of the political order and existing power institutions from encroachments upon the political rights of a new Tsar (“wishing to have another Sovereign”, “Searching for Sovereign”) fighting “theft and treason”, as well as protection of “health of the Sovereign”. The practice of fighting the “thieving hordes” was characterized by grave repressions to the leaders and pardon from responsibility for the common participants. After the liquidation of the largest internal anti-governmental armed formations the main efforts were aimed against false royalty, elements of “wishing to have another Sovereign” as expressed by “undue speaking”. In order to characterize some “undue speaking” the new term “humiliation of the royal greatness” appears starting in 1620s. The typical punishment for the “undue speaking” involved physical punishments “beating with sticks” or “public whipping”.

Ключевые слова: Уголовная политика, внутренняя безопасность, история права, Московское государство, царь, крестное целование, воровство и измена, самозванство, «непригожие речи», наказание.

Keywords: Criminal policy, domestic security, history of law, the Moscow statehood, Tsar, cross-kissing, theft and treason, false royalty, undue speaking, punishment.

1613 г. стал особо значимыми для истории русского государства. Четыреста лет назад на московский престол был избран 16-летний царь Михаил Федорович. Началось становление новой династии Романовых.

С точки зрения политической обстановки в России период царствования Михаила принято разделять на три этапа: «малолетство» царя

(1613-1619), когда власть в Москве принадлежала боярской думе; время двух «великих государей» (1619-1633) Михаила Федоровича и его отца, фактического правителя – Филарета Никитича Романова; период правления царя Михаила и боярской думы (1634-1645) при решающей роли последней.

Политика правительства первого шестилетия царствования Михаила определялась необходимо-

стью обеспечения безопасности страны, разоряемой отрядами антиправительственных вооруженных формирований и испытывающей угрозу от Швеции и Речи Посполитой. К 1616 г. удалось ликвидировать наиболее крупные внутренние враждебные московскому правительству силы (Баловня, Лисовского, Заруцкого). В 1617 г. был заключен мир со Швецией с возвращением Москве Новгорода и уступкой Швеции Финского побережья. В 1618 г. было заключено перемирие на 14 лет с Речью Посполитой с разменом пленных, среди которых был отец царя – Филарет Никитич Романов.

После возвращения в Москву Филарет был посвящен в патриархи московские и всяя Руси. Он получил титул «Великого государя» и стал фактическим правителем государства. В основу его дальнейшей политики легла идея абсолютизма во имя общего блага и династический интерес. Еще более укрепился авторитет церкви, усилилось государственное значение патриарха. После смерти Филарета (1633 г.) боярская дума взяла в свои руки руководство политикой государства до конца царствования Михаила (1645 г.).

Неотъемлемой частью политики московского правительства в сфере внутренней безопасности была политика уголовная. Она была направлена на предупреждение и пресечение посягательств на основы политического строя и сформировавшиеся институты государственной власти с помощью угрозы уголовной репрессии за такие посягательства, а также реального применения такой репрессии.

Формирование политики правительства в сфере внутренней безопасности происходило под влиянием последствий тех серьезных социально-экономических и политических потрясений, которые имели место в России в начале XVII в. События Смутного времени, «самозванство», заявление прав на Московское государство со стороны иностранных правителей (Речи Посполитой), оккупация территории страны иностранными (польско-литовскими и шведскими) войсками, внутренние восстания и сепаратизм отдельных территорий (Астраханское царство) заставляли по новому взглянуть на вопросы внутренней безопасности государства и вырабатывать соответствующие карательные меры правового реагирования.

Эти меры находили отражение в документах, исходящих от органов верховной власти: царя и боярской думы. Речь идет, прежде всего, о тек-

стах крестоцеловальных записей, на которых подданные присягали новому царю. Кроме того, важную роль играли решения по конкретным делам, где отражались признаки наказуемых антигосударственных деяний и определялись меры ответственности за их совершение. Накапливаясь в соответствующих государственных органах (приказах), они становились прецедентами при выработке решений по иным схожим делам.

В крестоцеловальных записях и решениях по конкретным делам уточнялись и развивались старые, а также закреплялись новые понятия, характеризовавшие антигосударственные посягательства и меры борьбы с ними.

Роль нормативной основы уголовной политики в сфере внутренней безопасности играли, с одной стороны, предписания, обладающие религиозным авторитетом, а с другой стороны, обычаи и прецеденты, авторитет которых был обусловлен их древностью и повторяемостью («старина»).

Нормы об антигосударственных преступлениях русского происхождения были закреплены в Судебнике 1589 г. Здесь предусматривалась возможность смертной казни и конфискации движимого имущества «государского убойцы», «градского здавца», «коромолника», «подметчика», «зажигальника», а также церковного и головного татя¹.

В то же время после Смуты старые правовые подходы во многом потеряли свой прежний авторитет. Ведь они не смогли обеспечить стабильность и безопасность политического строя. На их место приходили нормы, формировавшиеся под влиянием новых исторических условий. Важным фактором при этом оставался авторитет православной церкви, а значит и правил, получивших каноническое закрепление.

Предписания о защите внутренней безопасности христианского царства, получившие каноническое закрепление, были изложены в Кормчей книге – сборнике церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении церковью и в церковном суде². Так, в ее главе «Законы императоров Льва и Константина» говорилось о

¹ Памятники Русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 427 – 428.

² Кормчая книга, Кормчая, (церк.-слав. кормчий – рулевой) восходит к византийскому Номоканону (от греч. νόμος (закон, устав) + греч. κῆνόν, (канон, правило)), составленному в VI веке. Во 2-й половине XI века Номоканон был распространён на Руси. С конца XIII века Номоканоны в русской переработке получили название «Кормчие книги», они дополнялись на Руси нормами светского права.

наказании тех, «кто со иными кленется на христианское житие разрушение творити...». В главе «Святых и прехвалых апостол правил 85» воспроизводились нормы об ответственности тех, «кто досадит цареви... бесправды», а также тех, «кто зло речет на царя». А в главе «Закона градского главы различные» (Градской закон) говорилось о смертной казни и конфискации имущества того, кто «на спасение царево тщетная поучается...». При этом Кормчая книга предписывала сообщать самому царю («возвестить цареви») об указанных преступлениях и закрепляла его право на принятие решения о судьбе преступника: «яко же прочее той изволит, и совещает творити, да творят о нем». Кроме того, Кормчая содержала предписания о наказании за организацию беспорядков. Субъекты преступления здесь были обозначены так: «Глаголемии крамолници, или мятежь в людях творящии». Были в Кормчей и нормы об ответственности за религиозное инакомыслие, вероотступничество и соращение в иную веру. Наконец, Градской закон воспроизводил правила о наказании за предательство, переход на сторону врага, выдачу врагу секретов.

С учетом норм византийского происхождения основную роль в характеристике преступлений против внутренней безопасности Московского государства продолжало играть сформировавшееся во второй половине XVI в. понятие «измены царю», а также понятие «воровства».

Изменником признавался тот, кто не выполнил свои обязательства перед царем, взятые под присягой и закрепленные в крестоцеловальной записи. В соответствии с подкрепленной практикой правовыми обычаями, на изменника возлагалась «государева опала», после чего царь имел право наказать изменника (вплоть до смертной казни) и конфисковать его имущество.

Смертной казни мог подлежать и «вор»³, то есть организатор смуты, беспорядков, нарушения общественной безопасности, сопровождающегося противодействием властям. Понятие «воровства» в определенной мере применялось к тем деяниям, которые ранее характеризовались как «крамола».

2. Основным публично-правовым средством предупреждения посягательств на внутреннюю

³ См.: Судебник государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников Указы, собранные и примечаниями изъясненные В.Н.Татищевым. М., 1768. С. 117-118.

безопасность Московского государства считалась религиозная присяга подданных на верность царю («крестное целованье» – для христиан, «шерть» – для подданных иных вероисповеданий)⁴.

Отказ от «крестного целования» или «шерти» рассматривался как явное неповиновение воле Бога, влекущее божие возмездие. Массовый отказ от присяги, например, жителей города или волости давал основание для применения карательных мер военного характера.

Содержание присяги, закрепляемое в тексте крестоцеловальных записей, определялось в Москве при первом «целовании креста» государю. Текст записи централизованно распространялся по всей стране в качестве приложения к грамоте о восшествии царя на престол. Необходимости точного соответствия присяги на местах московскому тексту записи придавалось особое значение.

С уголовно-правовой точки зрения текст крестоцеловальных записей являлся средством формального закрепления и доведения до населения тех запретов, которые были установлены государством и церковью в целях обеспечения внутренней безопасности. Их соблюдение обеспечивалось угрозой неблагоприятных последствий, исходящих от бога, церкви и государства.

В тексте крестоцеловальной записи 1613г.⁵ на первом месте был указан запрет посягательства на политические права нового царя и, тем самым, на всю систему политической власти, установившуюся в Москве.

Присягающий клялся «опричь его государя, на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Российского царствия иного государя из иных государств, литовского и немецкого короля и королевичев и царей и царевичев из иных земель, и из русских родов никого, и Маринки и сына ея на Московское государство не хотети и государства под ним государем не подыскивати». В этой формуле наглядно проявилось то обстоятельство, что в условиях гражданской войны периода Смуты «хотение другого государя»

⁴ Савченко Д.А. Правовое значение крестоцеловальных записей конца XVI – начала XVII веков // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 25. Томск, 2005. С. 62 – 66.

⁵ Запись, разосланная от Московского Земского Совета во все российские города для приведения по оной всякого чина и звания людей к присяге в верности избранному на Всероссийский престол государем Михаилу Федоровичу. 1613, в феврале // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Т. 3. № 5. С. 14 – 15.

и «подыскание государства» расценивались как основная угроза политическому строю, причем как если ее источником был внутренний противник, так и если она исходила из-за границы. Все подобные проявления охватывались общим понятием «воровства».

На втором месте в крестоцеловальной записи Михаилу Федоровичу было указано обязательство «ни в чем ему государю не изменити никоторыми делы и никоторою хитростию и к воровству ни к которому не пристать». Понятие измены здесь связывалось, прежде всего, с нарушением предписания «государю служить, и с недруги его... и с изменники битися за него государя». В записи указывалось два конкретных проявления измены: отъезд («и в Крым и в Литву и в Немцы и в иныя ни в которыя государства не отъехати»), а также поддержание связей с изменниками («и с изменники его государевы не ссылатись»).

Упомянутое в крестоцеловальной записи Михаилу разграничение «измены» и «приставания к воровству» отражает особенности политической ситуации 1613 г., когда «изменой» мог быть назван, прежде всего, переход на сторону недругов – иностранцев. В то же время, переход на сторону тех противников московских властей, которые сами имели полученные в период Смуты основания претендовать на власть, характеризовался как «приставание к воровству».

Третье место среди предписаний крестоцеловальной записи Михаилу занимало обязательство «ему государю никотораго лиха не мыслити». Этот запрет рассматривался как один из способов реализации обязательства «во всем государю... здоровья оберегати». Эта формулировка впервые появляется в Московских крестоцеловальных записях. Именно в записи 1613 г. «здоровье государя» определено как самостоятельная ценность, требующая особой охраны. В определенной мере это могло быть связано с малолетством и болезненностью нового царя. В то же время, решающую роль играло понимание того, что от здоровья монарха непосредственно зависела безопасность политического строя, которая в случае смерти Михаила была бы поставлена под угрозу.

Судьба царей Бориса и Федора Годуновых, а также Лжедмитрия I, опыт Смутного времени, обстановка гражданской войны давали немало оснований опасаться, в том числе, и причинения увечий малолетнему царю, то есть причинения

вреда его здоровью в узком смысле слова и лишения его физической возможности исполнять функции царя.

Практика 20-30-х гг. XVII в. свидетельствует о том, что некоторые, хотя и немногочисленные дела, связанные с выявлением угрозы здоровью царя, все же имели место. Так, например, в 1623 г. поступил извет «государева дела» на помещного казака Ивашку Панова, который «молвил с хмелю: «я де царю горло перережу». В ходе сыска «Ивашко учел ему говорить, что он такое слово молвил к себе: «хотя де мне государь велит горло перерезать, а ему де, Кирилу, у него в поместье не бывать»⁶.

В систему мер «охраны здоровья» царя наряду с запретом «умышления лиха» крестоцеловальная запись включила обязательство по активной защите государя: «... а где уведая или услышу на государя своего... в каких людях скоп или заговор или иной какой злой умысел, и мне за государя своего с теми людьми битись...». Это обязательство дополнялось предписанием о задержании злоумышленников или сообщении о них властям: «... и будет мочь сяжет, и мне их переимав привезти ко государю, а будет за которыми мерами тех людей поимати не мочно, а мне про тот скоп и заговор сказати государю или его государевым боярам и ближним людям». При этом допускалось и причинение смерти изменникам: «... кто не стане государю... служить и прямить, и мне с ним битися, что с неприятели своими, до смерти».

Наконец, крестоцеловальная запись на верность Михаилу зафиксировала ставший в период Смуты одним из наиболее актуальных запрет: «самовольством, без государева... указу и ведома, ничего не делати, и скопом и заговором ни на кого не приходити, и никого не грабити и не побивати, и никакого дурна никому не чинити». Как видим, этот запрет был направлен на защиту не только главы государства, но также и других представителей власти в центре и на местах, внутренней безопасности в целом.

Судьба человека, нарушившего крестное целование государю и лишенного в связи с этим церковного благословения, полностью зависела от воли царя и его окружения. В соответствии со сложившимися обычаями к виновному могли быть

⁶ *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. М., 1911. Т. 1. № 231. С. 413-414.

применены любые казни и наказания, которые в каждом конкретном случае признавались верховной властью наиболее целесообразными, вплоть до лишения жизни.

Таким образом, нарушение запретов, указанных в крестоцеловальной записи, влекло за собой уголовную по своей правовой природе ответственность с неопределенной санкцией. Ее содержание с точки зрения правосознания людей первой половины XVII в. включало три вида лишений: лишение божьей милости, лишение церковного благословения, сопровождающееся проклятием «преслушника», а также казни и наказания от государя.

3. Наряду с текстами крестоцеловальных записей важными источниками, характеризующими политику обеспечения внутренней безопасности страны, являются материалы и решения по конкретным делам. Они исходили от органов верховной власти (царя, патриарха, боярской думы).

Как следует из текста присяги на верность Михаилу Федоровичу, наиболее опасным для политического строя преступлением признавалось воровство в форме «хотения другого государя» и «подыскания государства». Это было связано с неустойчивостью новой власти. Отмеченная разновидность «воровства» имела две основные формы проявления: «непригожие дела» и «непригожие речи».

«Непригожими делами» называлась открытая вооруженная поддержка конкурентов Михаила Федоровича на Московский престол, сопровождающаяся военными действиями с правительственными войсками. Участники «непригожих дел» рассматривались в качестве военного противника и подлежали уничтожению в бою или пленению. Плененные или сложившие оружие рядовые участники могли рассчитывать на прощение, и даже поступление на государеву службу. В то же время организаторы подобных «непригожих дел» подлежали смертной казни. Они могли рассчитывать на помилование только в случае «деятельного раскаяния» – добровольной сдачи в плен, прекращения вооруженной борьбы и принесения присяги Михаилу.

Это обстоятельство не исключало вину преступника, но при явке с повинной царь эту вину «покрывал». Основанием освобождения от наказания в этом случае считалось раскаяние «вора», подкрепленное его конкретным поведением – прекращением преступной деятельности и личной

явкой или челобитьем к царю. Так, в царской грамоте Ивану Заруцкому с увещанием покориться законной власти, после перечисления совершенных им преступлений⁷ содержится предложение – чтобы Заруцкий «от таких непригожих дел отстал, изнова кроворазлития в наших государствах не всчинал, ... нам Великому государю добил челом и вину свою принес». В этом случае вновь избранный царь Михаил Федорович обещал: «А мы... тебя пожалуем, вины тебе твои отдадим, и покроем вины твои нашим царским милосердьем...».

Как известно И. Заруцкий отказался от предложения Михаила Романова и в последующем после поимки был подвергнут смертной казни.

«Хотение другого государя», проявившееся в «непригожих речах», после ликвидации наиболее крупных внутренних антиправительственных вооруженных формирований становится одним из наиболее массовых проявлений антигосударственной преступности. Содержание признаваемых «непригожими» высказываний отражало особенности политической обстановки соответствующего периода.

На первом этапе царствования Михаила «непригожими» признавались высказывания тех, кто называл царем иных, кроме Михаила Романова, лиц, а также тех, кто допускал возможность существования нескольких царей и государей. Такими «непригожим речам» были признаны, например, слова казака Яковлева стрельцу Максиму «которому де ты государю служишь» (1613/1614 г.) и «воровские слова» некоего Сеньки: «здоров де был царь Дмитрий» (в противопоставлении Михаилу) (1614 г.)⁸.

В отмеченных случаях «непригожие речи» рассматривались как элемент «самозванства» – политического и криминологического явления, которое, зародившись в России в начале XVII в. вместе с царем Лжедмитрием, затем на протяжении двух веков оставалось ключевым фактором политической преступности.

⁷ «... Забыв... своего крестного целования, ... пристал еси к прежних воров к жене к Маринке, ... воровским именем простых людей в смуту приводиши, называеш воровского сына государским сыном..., и нашу... отчину Астрахань и в ней всех православных крестьян шаху Кизылбашскому отдаеш и от нас великого государя отводишь...». – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 3. № 28. С. 64.

⁸ *Новомберский Н.* Указ. соч. № 3. С. 3-4. № 1. С. 1

В 20-30-е гг. «материалом» для самозванства продолжали служить воспоминания о «царевиче Дмитрие». Центральным звеном этой легенды была вера в то, что Дмитрий жив. Так, например, «говорил де тот Пирезжейко про государя Михаила Федоровича непригожее слово, чаю ему государю нельзя жениться, тушинский де вор, который назывался царевичем Дмитрием, жив» (1621/22 г.)⁹. В 1630 г. некий Петрушка Дехтерев «против того слова (в противопоставлении Михаилу) молвил, чтоб де у них здоров был царь Дмитрий»¹⁰.

Основную массу «непригожих слов», связанных с самозванством, составляли наименования себя или другого человека царем, а равно сравнение себя с царем¹¹. Например, слова крестьянина Григория Бурдыкина: «Как де был я в Серпейском уезде в дер. Мшиневой, и я де был царь в те поры» (извет 1624/25 г.)¹² Или высказывание тюремного сидельца Савинка Васильева: «как выйду из тюрьмы, и я де буду над вами, мужики, царь» (извет 1629/30 г.)¹³.

Признаки «хотения иного государя» обнаруживались и в тех случаях, когда кто-либо признавался более важным и значимым, чем царь Михаил Федорович. Так, в 1628 г. поступил извет на курского сына боярского Исаю Семенова, что «говорил де тот Исайко Семенов про государя непригожее место: «Дивей де Сафонов хорошее государя на Москве мне стал»¹⁴.

Нередко соответствующие преступные намерения усматривались в нарушении последовательности произнесения здравицы, когда человек в первую очередь желал здоровья не царю, а иному лицу, например, воеводе или своему помещику. Так, в 1623 г. по государеву указу и боярскому приговору бит кнутом нещадно стрелец Ивашка за «непригожее слово», что он сказал – «здоров бы был воевода Никита Дмитриевич Воробин да осударь», а государя назвал после Никиты, отечества государева и величества не узвышил и государское величество унизил»¹⁵.

Последний пример свидетельствует о том, что в 20-х гг. XVII в., когда возвратившийся из плена Филарет принял, как и царь Михаил, титул «Великого государя» и приступил к укреплению новой династии, в московской правоприменительной практике начинает использоваться не встречавшееся ранее понятие «унижение государского величества». Этой группе «непристойных слов» соответствовала и так называемая «прописка государева именованья». Субъектом преступления выступал в этом случае тот, кто в документе «государево наименование написал не по достоинству». Наказание выражалось в отставке от должности, краткосрочной тюрьме и реже в битье батогами. При этом наказывался не только тот, кто сделал или допустил «прописку», но и тот, кто прочитал грамоту, не исправив ошибки¹⁶.

Нередко признаки «хотения иного государя» усматривались в высказываниях, осуждавших те или иные действия царя Михаила и его правительства, в частности, в сфере экономических реформ. Так, в феврале 1625 г. холоп Фролов извещал: «казак Овдейко... говорил, что «государь их не жалует, крестьян из-за них велит выводить, и их есть в сборе с 500 человек; кто из-за них крестьян выводит, и у тех вотчины выжгут, а крестьян побьют; и найдут они иного государя»¹⁷.

В ряде «непригожих речей» осуждение действий царя связывалось с особенностями его семейной жизни. Так, в 1626 г. тюремный сиделец Ларионов извещал на сторожа тюрьмы Ермолина: «...Ермолин сказал: государь де женился мимо Хлоповой и тюремным де сидельцам не быть выпущенным. ...Одна де тамо мутит государева матушка... Прежние де государи за такую смутню, ошив в медведну, собаками травливали»¹⁸. Речь в этом случае идет об излюбленной теме слухов и сплетен в правление Михаила Федоровича: матриониальных коллизиях в его личной жизни.

Осуждение действий царя иногда выражалось в брани по отношению к Михаилу. Так, в мае 1626 г. калужский стрелец Семенов обвинялся своим ярославским коллегой Фроловым в том, что он «говорил про государя, что государь женился дважды, а им, стрельцом, своего государева жалованья дать не

⁹ Там же. № 162. С. 289. № 22. С. 19.

¹⁰ Там же. № 54. С. 67.

¹¹ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 122.

¹² Новомбергский Н. Указ соч. № 26. С. 27.

¹³ Там же. № 52. С. 63.

¹⁴ Новомбергский Н. Указ. соч. № 39. С. 46.

¹⁵ Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 111.

¹⁶ Там же. С. 323.

¹⁷ Новомбергский Н. Указ. соч. № 200. С. 351-352.

¹⁸ Там же. № 30. С. 40.

велел, а после того государю изляял»¹⁹. Бранные и оскорбительные суждения лично о царе влекли за собой наказание как особая разновидность непригожих речей. Тех, кто говорит против царя «за очи бесчестныя или поносныя слова, бив кнутом, вырезают язык»²⁰.

Особенности политической обстановки в Москве в 20-х годах XVII в. проявились в том, что воровство и «хотение другого государя» усматривалось не только в суждениях о Михаиле Федоровиче, но и в высказываниях, касающихся его отца, «Великого государя», патриарха Филарета. Например, в 1625 г. поступил извет «государева дела» на сына боярского Нехорошего: «И тот де Нехороший в тое пору молил про тебя Великого государя Филарета Никитича патриарха всея России непригожее слово: яз де на патриарха плюю»²¹.

К «непристойным словам» относились не только критические суждения о государственных делах и брань в отношении государей, но и распространение слухов о близости политических перемен и других политических сплетен. Так, в 1629 г. черный дьякон Мартирий подал на стрельца Осипка изветное письмо в непригожих словах, будто говорил он, Осипка, про государя Михаила Федоровича, что «упросил государь у бояр сроку на семь недель осударствовать и выходил упрашивать на лобное место, а патриарх Филарет государю не отец». Казанский воевода отослал изветное письмо в Москву, откуда пришла государева грамота, чтобы изветчика и свидетелей прислать в Москву «с великим береженьем»²².

Наконец, «непригожими речами» считались высказывания, ставящие под сомнения права наследника престола, то есть слухи о царевиче Алексее. Например, слова архимандрита монастыря Феодорита: «Бог де то ведает, что прямой-ли царевич, на удачу де не подменный-ли?» (1632/33 г.)²³.

После смерти патриарха Филарета в заключительный период царствования Михаила Федоровича среди «непригожих речей» появились не только объявление кого-либо царем, а также уравнивание кого-либо с государем, но и сомнения в происхождении царя Михаила, что могло поставить под со-

мнение необходимость в будущем передать власть его сыну. Например, в феврале 1634 г. поступил извет на крестьянина Устимова, который говорил: «мне де видится, что не прирожденный царь»²⁴.

Кроме того, новой разновидностью «непригожих речей» становится распространение слухов о смерти царя Михаила. Так, в июне 1643 г. поступил извет на казака Ваську Конаева: «говорил де он, Васька, многожды, что де тебя, государя, не стало»²⁵. Опасность подобных высказываний была высокой, ведь признание того, что «государя не стало» открывало широкие перспективы для активизации самозванческих представлений и появления новых самозванцев.

4. Типичным видом наказания за «непригожие речи» были наказания телесные – «битье батоги» или кнутом («торговая казнь»). В большинстве случаев они дополнялись и иными мерами в зависимости от особенностей содержания «речей» и обстановки их произнесения. Среди них членовредительное наказание, если «речь» сопровождалась бранью в адрес великих государей («урезание языка»); ссылка с конфискацией имущества; лишение свободы на неопределенный срок («вкинуть в тюрьму до государева указа»).

Так, в 1634 г. Семен Измайлов был наказан за то, что «разговаривал многие непригожие слова» – «...и за то твое воровство указал государь тебя Семена казнить торговою казнью, бить кнутом и сослать в Сибирь в тюрьму, ...а поместья... и вотчины описать на государя и роздать в роздачу»²⁶.

В 1627 г. по одному из дел «послана в Ростов государева грамота к воеводе... а велено ему... Репкина, выняв из тюрьмы, и сказав ему его воровство, что он говорил про государя непригожее слово, бить по торгом кнутием нещадно, чтоб на то смотря, иным неповадно было впредь так воровать, и, бив кнутием, велено его посадить в тюрьму до государеву указу». В последующем царь «Репкина велел из тюрьмы выпустить, дать на крепкую поруку с записью, чтоб ему вперед не воровать и про нас никаких непригожих речей не говорить»²⁷.

¹⁹ Лукин П.В. Указ. соч. С. 59.

²⁰ Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 108.

²¹ Новомбергский Н. Указ. соч. № 19. С. 16.

²² Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 110.

²³ Новомбергский Н. Указ. соч. № 61. С. 106.

²⁴ Лукин П.В. Указ. соч. С. 121.

²⁵ Новомбергский Н. Указ. соч. № 277. С. 521.

²⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 3. С. 383, 389.

²⁷ Новомбергский Н. Указ. соч. № 240. С. 438-439.

«Тюрьма до указа» с последующим освобождением «на поруки» выступала не только в качестве наказания, но и как основная «мера безопасности», призванная предупредить «воровство» конкретного лица в будущем. Схожую функцию выполняла и ссылка.

Кроме того, и лишение жизни по решению органов власти Московского государства в ряде случаев рассматривалось не только как мера наказания за совершенное преступление. Оно могло применяться в качестве «меры безопасности», призванной устранить потенциально возможную для государя и государства угрозу. Именно такое предназначение имела установленная еще в Судебнике 1497 г. и затем повторявшаяся во всех последующих Судебниках смертная казнь для «ведомых лихих». Но в политической сфере предание смерти как превентивная мера допускалась и в отношении лиц, чья опасность для государства определялась не их общественно опасным поведением, а их происхождением и социальным положением. Именно поэтому в Московском государстве было воспринято как должное публичное повешение трехлетнего сына Марины Мнишек Ивана. Став женой Лжедмитрия, Марина Мнишек получила статус царицы, а значит и ее сын Иван в принципе мог заявить притязания на Московский престол. Публичное повешение Ивана в этом случае не только устраняло потенциального претендента на власть, но и предупреждало возможные попытки самозванцев в будущем выдать себя за Ивана. По меткому замечанию М.И.Борисовой, «на троне утверждается династия Романовых, и первый ее представитель ...принимает меры безопасности»²⁸.

Подобные меры применялись и к иным лицам, прежде всего, самозванцам, которые свое царское происхождение подтверждали наличием на своем теле особых знаков, имевших, например, форму креста. Так, «царские знаки» якобы были у самозванца, объявившегося в 1639 г. в Молдавии и выдававшего себя за сына царя Василия Шуйского Симеона. В 1640 г. в Молдавию был отправлен русский посол Богдан Дубровский. Ему поручалось допросить самозванца «накрепко ж, по чьему он умыслению называется царевым Васильевым сыном... и кто ему на хрепте кресты и звезды и подпись накладывал и для чево то делано и какво

для умысленья и хто в той думе и мысли был, то б все сказал именно». Далее Дубровскому предписывалось «...допытав всево подлинно, того вора велеть зарезать или задавить до смерти и голову отрезать и кожу с хрепта содрать, на котором месте кладены признаки...»²⁹.

Таким образом, уголовная политика правительства царя Михаила Федоровича Романова в сфере обеспечения внутренней безопасности государства характеризовалась активным сочетанием карательных и профилактических мер. Она была направлена на защиту основ политического строя и сложившихся институтов власти от посягательств на политические права нового царя («хотение другого государя» и «подыскание государства»), борьбу с «воровством и изменой», а также охрану «здоровья государя».

Практика борьбы с «воровскими ратями» характеризовалась сочетанием применения суровых репрессий к руководителям с освобождением от наказания рядовых участников. После ликвидации наиболее крупных внутренних антиправительственных вооруженных формирований основные усилия были направлены на выявление самозванства, а также признаков «хотения другого государя», проявившихся в «непригожих речах». Для характеристики некоторых «непригожих слов» с 20-х гг. XVII в. начинает использоваться не встречавшееся ранее понятие «унижение государского величества». Типичным видом наказания за «непригожие речи» были наказания телесные – «битье батоги» или «торговая казнь».

Библиография:

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 3. – 518 с.
2. Борисова М.И. Птенцы под шапкой Мономаха // Нева. 1998. №4. – С.4-77.
3. Голикова И.Б. Организация политического сыска в России XVI-XVII вв. // Государственные учреждения России XVI-XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1991. – 192 с.
4. Запись, разосланная от Московского Земского Совета во все российские города для приведения

²⁸ Борисова М. Птенцы под шапкой мономаха: Проза // НЕВА.1998.№4.С.76-77.

²⁹ Лукин П.В. Указ. соч. С. 106-107.

- по одной всякого чина и звания людей к присяге в верности избранному на Всероссийский престол государем Михаилу Федоровичу. 1613, в феврале // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Т. 3. № 5. – С. 14–15.
5. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. – 296 с.
 6. Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. М., 1911. – 593 с.
 7. Памятники русского права. Вып. 4. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 632 с.
 8. Савченко Д.А. Правовое значение крестоцеловальных записей конца XVI – начала XVII веков // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 25. Томск, 2005. – С. 62 – 66.
 9. Савченко Д.А. Ответственность за государственные преступления в Московском царстве первой половины XVII века. Новосибирск, 2013. – 147 с.
 10. Судебник государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников Указы, собранные и примечаниями изъясненные В.Н.Татищевым. М., 1768. – 272 с.
 11. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. – 342 с

References (transliteration):

1. Borisova M.I. Ptentsy pod shapkoj Monomakha // Neva. 1998. №4. – S.4-77.
2. Golikova I.B. Organizatsiya politicheskogo syska v Rossii XVI-XVII vv. // Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI-XVII vv. M.: Izd-vo MGU, 1991. – 192 s.
3. Lukin P.V. Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka. M.: Nauka, 2000. – 296 s.
4. Novombergskii N. Slovo i delo gosudarevy: Protsessy do izdaniya Ulozheniya Alekseya Mikhailovicha 1649 g. M., 1911. – 593 s.
5. Savchenko D.A. Pravovoe znachenie krestotseloval'nykh zapisei kontsa XVI – nachala XVII vekov // Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti. Ch. 25. Tomsk, 2005. – S. 62 – 66.
6. Savchenko D.A. Otvetstvennost' za gosudarstvennye prestupleniya v Moskovskom tsarstve pervoi poloviny XVII veka. Novosibirsk, 2013. – 147 s.
7. Tel'berg G.G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenii v Moskovskom gosudarstve XVII veka. M., 1912. – 342 s